

ОТ ПРАВОСУДИЯ К ПРОИЗВОЛУ

(НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ)

О репрессиях периода советской власти написано немало. Казалось бы, сказано все. Однако редко кто из авторов публикаций о событиях прошедшей эпохи пытался разобраться в механизме репрессий, проследить, как он формировался и действовал. Еще меньше сказано о попытках противостоять произволу и беззакониям. А противодействие тому было.

Вот об этих малоизвестных страницах истории и ведется речь в статье (с продолжением) В.А. Бобренева, который исследовал проблему по архивным первоисточникам. Думается, она не утратила своей актуальности и в наши дни.

Пролетарская революция, как известно, провозгласила вполне определенную цель – разрушить до основания «весь мир насилия» и построить новый, сообразно своим представлениям об обществе и власти. Крушились старые государственные структуры, были упразднены ранее действовавшие суды и вся система органов юстиции, представлявшая, по выражению лидера большевиков В. Ульянова (Ленина), тонкое и сложное орудие беспощадного подавления эксплуатируемых масс. Декретом о суде №1 от 24 ноября 1917 года предписывалось «упразднить донные существующие общие судебные установления... военные и морские суды всех наименований... институты судебных следователей, прокурорского надзора, а равно институт присяжной и частной адвокатуры». И если взамен упраздненной судебной системы учреждалась новая – в виде местных и народных судов и революционных трибуналов, то вопрос об организации надзора за исполнением законов оставался открытым. Оно и понятно – не было самого предмета надзора, то есть самих законов. Перестал существовать и институт судебного разрешения гражданских споров и конфликтов.

А надобность и в том, и другом проявлялась все более остро. Конфискации, реквизиции, аресты и ликвидация без суда и следствия противников нового строя, осуществлявшиеся не на правовой основе, а по соображениям так называемой революционной целесообразности, нередко оборачивались произволом.

Отказавшись от услуг чиновников старого режима в подавляющем большинстве сфер государственного управления, новая власть посадила на их места десятки тысяч людей, не имевших ни специальных знаний, ни навыков политической и государственной деятельности, лишь понаслышке знакомых со складывавшимися веками основами процессуального производства. Ведь целый ряд правовых институтов в сфере судостроительства и судопроизводства разрабатывался виднейшими русскими юристами, классиками законодательного нормотворчества, которые по развитости права и способам его цивилизованной защиты поставили Россию в один ряд с наиболее передовыми в демократическом отношении странами. Но, усвоив идеологические постулаты классовой борьбы, новые властители страны твердой рукой начали проводить их в жизнь.

Если к этому добавить, что нередко ввиду «чрезвычайности обстановки» или «революционной целесообразности» официально допускалось отступление от предписаний, даже принятых советской властью, нетрудно представить, как различались решения по тем или иным случаям, сходным по своему составу, и в какой степени они зависели от субъективного мнения того или иного «вершителя» правосудия. На пресловутую «целесообразность» списывали самые жестокие внесудебные расправы. Ею с легкостью объяснили чудовищную расправу над императором и членами царской семьи, свертывание следствия по делу Колчака и расстрел адмирала. И потом, «целесообразность» давала возможность властям предрержающим скрыть многие нежелательные для огласки обстоятельства.

В этом плане примечательна ликвидация террористки Фанни Каплан, и на этой акции стоит остановиться несколько подробнее. Если за расправами над царствующей семьей и одним из главарей белого движения еще можно усмотреть стремление большевиков избежать возможных политических и военных осложнений, способных представить угрозу власти, то в случае с Каплан ничего подобного не было и в помине.

Чтобы хоть немного разобраться в этой так и оставшейся «темной» истории, то для начала резонно поставить самый первый в любом расследовании вопрос: кому было выгодно устранение Ленина, в которого она стреляла? Практический расклад показывает, что в верхушке власти партии большевиков и советской России в тот момент второй фигурой являлся Лев Троцкий (Бронштейн). Реальный конкурент в лице Иосифа Сталина появился у Троцкого уже потом, после Гражданской войны. Вот и получается: устрани террористка Ленина, и его место наверняка досталось бы Троцкому. Выходит, что именно он – самая заинтересованная фигура. Может, поэтому и не дошло дело Каплан до суда? Вряд ли комендант Кремля Павел Мальков – фигура в общем-то безвластная – мог бы решиться пристрелить Каплан без приказа сверху. Скажем, от того же Троцкого. Или хотя бы Крыленко – Председателя Ревтрибунала при ВЦИК РСФСР, за которым числилась арестованная террористка и которому надлежало рассматривать подобную категорию дел. А раз так, значит, кому-то очень невыгодно было доводить дело до суда, на котором Каплан могла во всеуслышание поведать нечто такое, чего никто не должен был знать. Вот и объявили ее эсеркой-террористкой, каковой она и вошла в историю, хотя в партии социал-революционеров никогда не состояла. Так-то оно проще. Нет человека – и нет проблем.

Некоторые примеры «целесообразности» просто поражают своей невероятностью. Казалось бы, такого вообще не может быть. Но было...

В октябре 1919 года проходил один из самых громких судебных процессов времен Гражданской войны над целым кавалерийским корпусом, то есть крупным воинским соединением, во главе с командиром Филиппом Мироновым, обвинявшимися в попытке государственного мятежа и других контрреволюционных преступлениях. В распорядительном заседании Чрезвычайный трибунал разбил всех подсудимых на категории: первую составил «командный состав и коммунисты, шедшие с Мироновым», вторую – комендантская сотня и технический эскадрон, третью – кавалерийский полк, четвертую – все остальные красноармейцы корпуса. В качестве обвинителя в суде выступал член Реввоенсовета республики И.Г. Смилга. В своей обвинительной речи он потребовал для Миронова, всех командиров, комиссаров и коммунистов, шедших за комкором, – расстрела. Если это предложение обвинителя еще как-то можно воспринять, то его требование в отношении остальных подсудимых просто невероятно для истории правосудия и сводится к следующему: «Для всех солдат комендантской сотни – так называемых «янычар», вину которых персонально разобрать нельзя, но которые безусловно виновны (!!! – *Авт.*), – требуют расстрела через десять по списку. По отношению к остальным красноармейцам – расстрела через двадцать по списку с зачислением остальных, которые не будут оправданы по суду, в тыловое обеспечение...». Чрезвычайный трибунал в принципе согласился с таким подходом обвинителя, приговорив Миронова и еще девять человек из первой категории – к расстре-

лу, а еще пятерых – к длительным срокам тюремного заключения. Что же до подсудимых других категорий, то приговором предписано: «Красноармейцев комендантской команды, технического эскадрона и 23-й дивизии приговорить к пяти годам тюремного заключения; красноармейцев 1-го кавалерийского полка отправить в рабоче-дисциплинарный батальон на три года, остальных красноармейцев отправить на Архангельский участок Северного флота для службы в строю». Общее количество осужденных превысило тысячу человек. Указывалось, что приговор окончательный, входит в силу немедленно и подлежит исполнению в 24 часа.

Однако этим уникальность судебного процесса не исчерпывается. Далее следуют не менее невероятные и удивительные события. Председатель Ревтрибунала Д. Полуян направляет приговор для приведения в исполнение, а обвинитель Смилга, тот самый, кто требовал в отношении подсудимых расстрела и самых жестоких мер наказания, обращается в Москву в высший партийный орган – Политбюро ЦК РКП (б), – и просит о... помиловании «преступников». «Я считаю, – пишет он, – что вполне достаточен смертный приговор. Убивать Миронова и его товарищей не считаю полезным. Думаю, что никто не будет расстрелян...». Вот уж поистине «казнить нельзя помиловать». И 23 октября Политбюро ЦК, на котором присутствовали Ленин, Каменев, Калинин, Крестинский, Дзержинский, Раковский и Семашко, приняло постановление освободить осужденных от наказания. А через три дня на очередном заседании Политбюро ЦК принимается решение дать Миронову командное назначение на Юго-Западный фронт. Так высший партийный орган отменил решение суда. Но и это еще не все. После того как Миронов стал командующим 2-й Конной армии, комиссаром к нему был назначен... Д.В. Полуян – тот самый Председатель Чрезвычайного трибунала, который подписал приговор о расстреле Миронова. Подобного история правосудия еще не знала! Стоит ли удивляться, что Полуян не смирился с помилованием своего бывшего подсудимого и, несмотря на успехи армии в разгроме белогвардейцев в Крыму, направлял в Москву донесения о неблагонадежности командарма. Когда же Гражданская война закончилась и необходимость в полководческом таланте Миронова отпала, его вызвали в Москву, арестовали и он был расстрелян во дворе Бутырской тюрьмы по внесудебному решению ВЧК.

Почти пять лет после революции трактовали по своему понятия права и законности. В Курске и Казани, в Архангельске и Чите. Нонсенс? И только в 1922 году для установления единообразного понимания законности во всей республике, несмотря ни на какие местные различия и вопреки каким бы то ни было местным влияниям, была возрождена прокуратура, основанная в свое время Петром Великим и упраздненная после октябрьского переворота. Сразу же вслед за этим последовало учреждение должности помощника прокурора при Верховном Суде СССР, а также при соответствующих коллегиях Верховного Суда, в том числе Военной колле-

гии и при нижестоящих военных трибуналах для осуществления прокурорского надзора. Привлекаем внимание в этом обстоятельстве потому, что рассмотрение дел о так называемых контрреволюционных преступлениях, по обвинению в которых впоследствии были репрессированы сотни тысяч людей, входило в компетенцию революционных трибуналов (впоследствии – военных трибуналов), а на военную прокуратуру был возложен надзор за их расследованием органами ОГПУ-НКВД и за рассмотрением в суде. По архивам Главной Военной прокуратуры удалось последовательно проследить, как складывался механизм репрессий, как пресловутая «целесообразность» постепенно перерождалась в беззаконие и произвол сначала в деятельности ОГПУ-НКВД, а затем парализовала и систему правосудия.

Первому руководителю военной прокуратуры – прокурору Военной коллегии Верховного трибунала ВЦИК (так тогда называлась эта должность) Н.И. Татаринцеву, попытавшемуся покончить с произволом, сразу же пришлось вступить в конфликт с военными и партийными властями. В самом начале 1923 года он представил в Реввоенсовет республики материалы о самоуправстве командира корпуса червонного казачества Виталия Примакова, по письменному приказу которого перед строем личного состава были расстреляны без суда и следствия четверо красноармейцев, заподозренные в насильственном изъятии нескольких кусков мяса у ехавших на базар крестьян. Комкор не захотел утруждать себя разбирательством, постановкой вопросов о степени вины каждого из задержанных, о соразмерности содеянного характеру наказания и, что называется, одним махом решил и суд и дело – лишил жизни четверых человек. За явное самоуправство Татаринцев поставил вопрос о привлечении Примакова к уголовной ответственности и предании суду в соответствии с законом. За комкора вступились Троцкий и Фрунзе. Благодаря их вмешательству в удовлетворении представления прокурора было отказано. Наказывать комкора сочли нецелесообразным, и Примаков избежал суда военного трибунала.

Упреждая события, отметим, что через полтора десятка лет многие из тех, кто насаждал произвол, сами станут его жертвами. Тому же Примакову придется пройти через унижения, пытки и принять жестокую кару за преступления, которых он не совершал. К тому времени правосудие по-советски по своей сути мало чем станет отличаться от того произвола, который он сам творил в Гражданскую, отбирая у людей жизнь лишь за то, что они в недобрый час попались на глаза обворованному и обиженному на всех подряд крестьянину. Виталий Примаков будет расстрелян как враг народа по приговору Военной коллегии Верховного Суда в группе с Михаилом Тухачевским и другими виднейшими военачальниками Советской страны. И не помогут героям Гражданской войны никакие былые заслуги. Не учтут даже активное сотрудничество Примакова с ОГПУ в двадцатые годы, блестящую операцию законспирированного советника, сумевшего без единого выстрела захватить скрывавшихся в Китае белоказачьих

генералов Анненкова и Денисова, доставить их в Москву и передать в руки карательных органов, чтобы затем предать их суду военного трибунала.

Что же касается первого руководителя военной прокуратуры, сделавшего попытку пресечь произвол с помощью закона, то Татаринцева вскоре освободили от занимаемой должности, и дальнейшая судьба его была незавидной.

С первых же дней особенно сложно складывались взаимоотношения между военными прокурорами и сотрудниками особых отделов, представлявшими ведомство ОГПУ в Красной Армии. Чекисты, провозгласившие себя щитом и карающим мечом пролетарской революции, были наделены чрезвычайными, фактически неограниченными полномочиями при решении людских судеб. А потому прокурорский надзор за соблюдением законности многие сотрудники ОГПУ восприняли как посягательство на свою независимость и авторитет. Большинство из них считали ниже собственного достоинства объясняться с военным прокурором по поводу необоснованных задержаний и арестов, обысков и содержания под стражей подозреваемых сверх установленных законом сроков, отступлений от процессуальных мер воздействия ради получения признательных показаний. Вначале чекистские амбиции воспринимались как издержки становления ЧК ОГПУ как главных защитников советской власти. Но шло время, а напряженность во взаимоотношениях между надзирающими за законностью и поднадзорными не только не ослаблялась, но и обострялась.

В 1924 году старшим помощником прокурора Верховного Суда СССР по военной прокуратуре становится удивительный человек, высокообразованный интеллигент – Н.Н. Кузьмин, имя которого впоследствии было незаслуженно забыто. Повествование о его жизни могло бы стать сюжетом для захватывающего приключенческого романа. На сохранившихся фотографиях Кузьмин запечатлен рядом с Лениным, Горьким, Калининим, Зиновьевым, Смилгой, Луначарским, с руководителями Коминтерна. Вместе с Лениным он скрывался от царской охранки на острове Капри, возглавлял Гатчинский Совет рабочих и солдатских депутатов, под опекой которого проходила подготовка Октябрьского вооруженного восстания, входил в его штаб. В дальнейшем был членом реввоенсоветов – комиссаром 6-й, 3-й и 12-й армий, на Туркестанском фронте. Являясь комиссаром Балтийского флота и прибыв вместе с М.И. Калининим в мятежный Кронштадт, был захвачен мятежниками в заложники, приговорен к смерти, но в ночь накануне назначенного расстрела сумел поднять в тюрьме бунт и бежать вместе с большой группой приговоренных, а потом участвовал в подавлении мятежа с войсками Тухачевского...

Едва войдя в курс дела, Кузьмин направляет подчиненным прокурорам директиву, в которой предъявляет претензии в том, что «в практике не имело место ни одного случая опротестования приговоров военных трибуналов по несоответствию наказа-

ния суровости репрессии или по одному из тех оснований, которые констатируются уголовной кассационной коллегией как отступление от принципов правильной карательной политики». В его докладных вышестоящему руководству указывается, что «количество осужденных для нашей армии слишком велико. При этом большинство осужденных получают условное или минимальное наказание. Это показывает, что дела, поступающие в судебные органы, незначительные по своему содержанию, если и принимаются к производству, то только потому, что необходимо поддержать авторитет командного состава, который, не исчерпав все меры дисциплинарного воздействия, прибегает к помощи судебных органов.

Примечательно, что в приговорах военных трибуналов, на которых Кузьмин поддерживал обвинение, просматриваются гуманизм и объективность в оценке содеянного. В том числе подписанных Председателем Военной коллегии Верховного Суда Василием Ульрихом. Но большинству рассмотренных дел вынесены достаточно мягкие по тем временам приговоры, – как правило, виновные осуждались к 3–5 годам лишения свободы, хотя многим из них были предъявлены обвинения в совершении так называемых контрреволюционных преступлений.

Разумеется, такой человек, как Кузьмин, не мог мириться с всесилием карательных органов. В одной из его докладных указывалось: «Условия, в которых осуществляется надзор за деятельностью органов ГПУ, заставляют желать многого. Часто встречающимися явлениями до сих пор остаются необоснованные аресты, расплывчатость предъявленных обвинений, преувеличение перспективы дела, имеющие последствиями срыв уголовного процесса или прекращение дела, по которому обвиняемые содержались под стражей. Тактическая линия прокуратуры в надзоре за деятельностью особых отделов должна сводиться к курсу на максимальную настойчивость при одновременном стремлении избегать конфликтов. Кузьмин писал, что работа по наблюдению за особыми отделами – менее благополучная область надзора прокуратуры. По его словам, «основная причина коренится в тенденции работников особых отделов рассматривать прокурорский надзор как институт, имеющий узко формальное наблюдение. Поэтому законные требования прокуроров встречают зачастую известное сопротивление. Что касается личного состава уполномоченных работников, занятых производством дознания и следствия, то они в массе своей еще недостаточно подготовлены к выполнению обязанности, особенно со стороны умения владеть кодексами...»¹

Столь откровенно на карательные органы революции еще не замахивался никто. А потому с этого участка работы его решили убрать. Правда, с почетным по-

вышением. Поначалу Кузьмин возглавил первое советское консульство в Париже. Позднее руководил Управлением РККА военно-учебными заведениями, политическими управлениями военных округов. А в 1937 году по доносу никому не известной, рядовой сотрудницы библиотеки, с которой Кузьмин допустил откровенность о разногласиях между Сталиным и Лениным, свидетелем которых он являлся, последовал арест, зачисление в разряд «врагов народа», 15-минутный суд и расстрел, а через 20 лет – посмертная реабилитация за отсутствием состава преступления.

Но это случилось позднее. Пока же взятый им курс продолжили другие. Преемник Кузьмина на посту старшего помощника прокурора Верховного Суда СССР по военной прокуратуре П.И. Павловский идет дальше. Он не только выступает против нарушений законности в деятельности следователей особых отделов ОГПУ, но и подвергает критике самого В. Ульриха. В своем докладе на Всесоюзном совещании военных прокуроров в мае 1928 года, повернувшись в сторону сидевшего на трибуне Председателя военной коллегии Верховного Суда СССР, он произнес: «Мы считаем необходимым персону Ульриха отделить от председателя Военной коллегии, и если как к товарищу подходим к нему с величайшим уважением и почетом, то как Председатель Военной коллегии он, по нашему мнению, совершает ошибки»². Сказано это было в связи со все более обнажившейся тенденцией военных трибуналов и их руководителя В. Ульриха к ужесточению мер наказания за так называемые контрреволюционные преступления. Опасения относительно «персоны Ульриха» оказались пророческими.

Характер контактов между особыми отделами и военными прокурорами обсуждался в феврале 1926 года на специальном политсовещании в Московском военном округе. В принятой большинством голосов резолюции отмечались слабые правовые знания представителей ОГПУ, приводились конкретные факты нарушения ими законности и был поставлен вопрос о недопустимости любых отступлений от правовых предписаний, чем бы они ни оправдывались. То есть по существу предлагалось покончить с пресловутой «целесообразностью». Главный инициатор политсовещания – военный прокурор округа С.Н. Орловский – предложил организовать цикл занятий со следователями ОГПУ по изучению основ уголовного и процессуального права, выразил готовность взять на себя организацию обучения. Но представитель ОГПУ – начальник особого отдела округа – придерживался на сей счет иного мнения и на предложение прокурора отреагировал однозначно: «Мои уполномоченные не нуждаются в инструктировании извне».

Странная складывалась ситуация: органы прокурорского надзора, сталкиваясь с нарушениями законности, вместо решительного применения предоставленных

¹ Архив ГВП. Дело 1926/27 гг. (Наряд с перепиской «О взаимоотношениях с особыми отделами»).

² Стенограмма совещания. Архив ГВД за 1928 год. Папка «Внутренний наряд».

им полномочий выступали с какими-то робкими рекомендациями. В докладах наверх – явно извинительный тон за проявленную смелость. Объяснялось все, видимо, внедрившимся в сознание ощущением всемогущества руководителей и сотрудников ведомства В.Р. Менжинского, продолжавшейся по инерции со времен Гражданской войны порочной практики, когда право и суд являлись синонимами расправы с «классовыми врагами».

В рапорте на имя прокурора Верховного Суда СССР от 24 февраля 1928 года П.И. Павловский привлек внимание именно к тем обстоятельствам, игнорирование которых впоследствии привело к массовым репрессиям: «Деятельность ОГПУ регламентирована многими закрытыми для прокурорского надзора инструкциями и актами. Приходится применять дипломатию (закондательных актов нет), основываясь лишь на товарищеских взаимоотношениях, в противном случае, лишившись товарищеских взаимоотношений и не имея законных оснований для предъявления соответствующих требований в порядке надзора, – рискуешь потерять и этот надзор «семейного порядка». Нужно такой неопределенности во взаимоотношениях с органами ОГПУ положить конец. В силу важности вопроса и его принципиальности считаю необходимым поставить его во весь рост, вплоть до партийных органов».

Обратим внимание: на самом верху служебной иерархии Советского государства уже тогда разместились партийные органы. И если ставить вопрос «во весь рост» – то перед ними. Павловский формулирует конкретные предложения и представляет их в Политическое управление Красной Армии и в Прокуратуру Верховного Суда СССР.

Очень ответственный, можно сказать, рубежный вопрос во взаимоотношениях двух ведомств – ОГПУ и военной прокуратуры. Призыв прокурора Военной коллегии Верховного Суда не остался без внимания. Один из руководителей ОГПУ – Я.К. Ольский – тут же запросил в прокуратуре данные о конкретных фактах нарушений законности. Даже по его кратким пометкам на полях документов и записям, адресованным Павловскому, можно судить, насколько далеко видно смотрел этот человек, как он стремился предостеречь об опасности, исходившей от пренебрежения нормами закона и от произвола при решении людских судеб. Тогда Ольский понял Павловского. В ОГПУ был разработан циркуляр, содержащий целый ряд обязывающих всех начальников особых отделов и военных прокуроров обеспечить соблюдение законности, принять меры к исключению взаимных претензий. Сохранилось восемь различных вариантов проектов того совместного циркуляра Военной прокуратуры и ОГПУ. Восемь! Вот насколько сложным и кропотливым оказался процесс устранения существовавших разногласий. Обе стороны поняли необходимость пойти на обоюдные уступки в интересах укрепления законности. Пожалуй, это одно из немногих свидетельств того, как в конце 20-х годов интересы дела для руководства ОГПУ и Военной прокуратуры поднялись выше ведомственных амбиций и, можно

даже сказать, совпали. Был шанс покончить с беззаконием. К сожалению, та совместная акция оказалась единственной. Да и нет никакой уверенности в том, что она была доведена до логического завершения. В архивах удалось обнаружить лишь проекты документа с визами представителей обоих ведомств. Сведения о его направлении на места для практической реализации отсутствуют. Что же до разработчиков циркуляра, то Ольского вскоре отстранили от должности заместителя руководителя ОГПУ и вообще отлучили от работы в «органах». Спустя десять лет его арестовали без санкции прокурора, через четыре месяца после ареста провели первый допрос, обвинили в контрреволюционной деятельности, в частности, в проведении линии на сохранение от разоблачения «контрреволюционных элементов», занимавших ответственные посты в Красной Армии и ОГПУ. Несмотря на отсутствие объективных доказательств вины, по приговору Военной коллегии Верховного Суда СССР под председательством Ульриха Ольский был осужден к высшей мере наказания и расстрелян. Реабилитирован посмертно 19 ноября 1956 года.

Несколько лучшей (если такое слово уместно здесь вообще) оказалась судьба Павловского. Он не имел такой известности, как Кузьмин, а потому с ним обошлись примерно по тому же сценарию, что и с Татаринцевым. Просто сняли с должности, отпустили на все четыре стороны и забыли о его существовании. Но когда надо, вспомнили. В 1937 году его попытки противодействовать произволу, борьба с незаконными арестами и перегибами следствия в бытность прокурором Военной коллегии Верховного Суда были квалифицированы как враждебная деятельность, направленная на подрыв дисциплины в Красной Армии. Ему пришлось много лет провести в бериевских лагерях.

Следующей знаковой фигурой в противодействии репрессиям стал Сергей Николаевич Орловский, о котором уже упоминалось выше.

Время было сложное. Из особых отделов в НКВД широким потоком шли доклады о раскрытии контрреволюционной деятельности. И почти в каждом выдвигались требования ужесточить меры наказания, расширить права органов, упростить процесс разоблачения «врагов народа». Если исходить только из официальных донесений, то картина вырисовывалась тревожная и основания для постановки подобных вопросов вроде бы имелись. То был период массового изгнания с насиженных мест семей, попавших под раскулачивание, по стране прокатилась волна насильственной коллективизации, вслед за которой разразился страшный голод... Все это вызывало активный протест не только на селе и в городе, но и в Красной Армии. Участились разговоры об антинародном характере советской власти, отмечались случаи прямого вредительства.

Анализируя архивные документы того времени, общую ситуацию в стране, тенденции внутренней политики, невольно приходишь к мысли, что при определенных условиях кровавая драма 1937–1939 годов могла начаться и раньше. Уже тогда следователи НКВД

стремились решать и определять все, оставляя судьям трибуналов лишь роли статистов, не решавших главного – наличия или отсутствия самого преступления и виновности подсудимых, а лишь фиксирующих готовность обвиняемых подтвердить данные под принуждением признательные показания или отказаться от них. Последнее, впрочем, далеко не всегда имело решающее значение, ибо вписываемые в обвинительное заключение соображения следователя о характере и мере наказания, которое надлежало применить к человеку, признавшемуся в контрреволюционной деятельности, являлись для суда обязательным ориентиром. Правда, репрессивная система в начале 30-х годов еще не обрела поистине чудовищных масштабов, характерных для более позднего времени. Не все детали и узлы ее механизма, пожирающего людей, были притерты.

Безусловно, мешали такие люди, как Кузьмин, Павловский, Орловский. Несмотря ни на что, их усилия не были напрасными. Во всяком случае, как не раз отмечал даже сам нарком обороны К.Е. Ворошилов – единомышленник и соратник вождя, в 1931–1933 годах в частях Красной Армии отмечался решительный перелом в борьбе с антиармейскими проявлениями, дезертирством, неповиновениями, нарушениями караульной и внутренней службы, число которых, по учетным данным, постоянно сокращалось. Судя по осуждениям по печально известной 58-й статье УК за контрреволюционные и антисоветские преступления были единичны. Удельный вес военнослужащих, приговоренных к «высшей мере социальной защиты», к концу 1933 года достиг самого низкого показателя за все годы советской власти и не превышал одного процента от общего числа всех осужденных.

Новый Главный военный прокурор уже давно сумел разглядеть надвигающуюся опасность. Как мы помним, и в прежние годы он привлекал внимание вышестоящего руководства к нарушениям законности в деятельности сотрудников ОГПУ. Теперь, когда возгласил прокурорский надзор за карательными органами в масштабе всей страны, Орловский остался верен своим принципам. Одной из своих директив он потребовал от подчиненных прокуроров, чтобы «по всем без исключения уголовным делам, направляемым особыми отделами в военные трибуналы либо на внесудебное рассмотрение, давались письменные заключения об обоснованности и доказанности предъявленных обвинений». Копии таких заключений предписывалось представлять в Главную военную прокуратуру для контроля.

Многие поначалу восприняли такое новшество чуть ли не как проявление административно-бюрократического зуда у очередного руководителя военной прокуратуры. Но очень скоро все поняли, что это был единственный и наиболее реальный в тех условиях путь борьбы с беззаконием. Ведь следователи НКВД прекрасно сознавали, что прокурорские справ-

ки по расследуемым ими и направляемым в суды уголовным делам требуют в Москву вовсе не за тем, чтобы зашивать в архивные папки, а для обобщения информации и ее использования в докладах высшему руководству. Эта внешне формальная мера наверняка придержала ретивость не одного десятка борцов с «врагами народа». Кстати, потом, после смерти Орловского, эту его директиву сразу же отменили.

Пока же на стол руководителя военной прокуратуры потоком стали поступать тревожные донесения. Начало 1934 года было отмечено ростом преступности и судимости по обвинениям в так называемой контрреволюционной деятельности. В республиках Средней Азии прокатилась волна массовых арестов. Орловский немедленно выезжает туда, чтобы разобраться во всем на месте. В информации по результатам поездки, представленной наркому обороны Ворошилову, он указывает: «Люди брались под арест сотрудниками ОГПУ прямо таки полками вместо того, чтобы разобраться и свести дело к изоляции организаторов и актива... У нас часто забывают о том... что ревзаконность не пустая фраза, и о том, что нельзя так работать – когда сначала арестовывают людей, а затем разбираются, кто из них действительно преступник... Число содержащихся в домзаках (места предварительного заключения. – *Авт.*) заключенных вдвое, втрое превышает допустимые для них лимиты, чем полагается. Люди получают только хлеб, да и тот в урезанном количестве...» Орловский указывает, что в ходе проведенной им лично проверки установлены массовые случаи, когда «дела заводились на основании лишь агентурных данных либо элементарных доносов с санкции партийного органа». Главный военный прокурор потребовал освободить из-под стражи «не менее тысячи заключенных» и предложил «поставить перед Наркомснабом СССР категорически вопрос о централизованном снабжении мест лишения свободы хотя бы минимумом хлеба, тягла и крупы»³.

Между тем работа по расследованию преступлений по всей 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР и рассмотрению в судах дел этой категории превращается в закрытую сферу, недоступную для постороннего взора. В сентябре 1934 года приказом Прокурора СССР на военную прокуратуру возложено осуществление надзора за расследованием дел об измене Родине, диверсиях, шпионаже, находившихся в производстве областных, краевых и республиканских управлений НКВД. Прежде это относилось к компетенции более многочисленного звена территориальных прокуроров, осуществлявших надзор по месту производства предварительного следствия, тогда как общая численность военно-прокурорских работников в то время не превышала 130 человек на всю страну. Совершенно очевидно, что в обстановке усиления репрессивных тенденций во внутренней политике с такой дополнительной нагрузкой столь малочисленной надзорной структуре, како-

³ Архив ГВП. Дело №1 «Приказы и директивы ГВП за 1934–1935 годы».

вой являлась военная прокуратура, не справиться. Обеспечить повсеместный контроль за соблюдением законности военные прокуроры оказались не в состоянии. Да и военные трибуналы уже не успевали рассматривать все возрастающий поток дел. Правовые и реальные гарантии законности ослаблялись, и положение с законностью все более усугублялось.

Репрессивный аппарат набирал силу. Был воссоздан единый Наркомат внутренних дел, в который организационно вошло ОГПУ. Известно, что всякое разрастание штатной численности любого ведомства незамедлительно требует для оправдания своего существования, если можно так выразиться, расширения фронта работы. Похоже, этот принцип сполна воплотился и в деятельности НКВД: его активность в выявлении и разоблачении «врагов народа» резко возросла. Так как военные суды не справлялись с нагрузкой, потребовалось расширить практику внесудебного рассмотрения дел, что и было сделано постановлением ЦИК и СНК от 5 ноября 1934 года «Об Особом совещании при Народном комиссаре внутренних дел СССР». Новое ведомство, которое возглавил Генрих Ягода, было наделено исключительными полномочиями по применению внесудебных репрессий к любым гражданам, кого НКВД причислял к категории общественно опасных лиц.

В качестве омерзительного повода для дальнейшего свертывания правосудия использовано покушение на жизнь члена Политбюро ЦК ВКП(б), первого секретаря Ленинградского обкома партии С.М. Кирова. Убийство столь крупного политического деятеля – событие, конечно, исключительное. Но по здравой логике принятию крутых мер должно предшествовать расследование случившегося и вытекающие из него выводы. В данном случае все произошло наоборот. А потому не чем иным, как шагом к откровенному беззаконию, явилось принятие ЦИК СССР – высшим органом государственной власти – 1 декабря 1934 года постановления о порядке судопроизводства по делам о террористических актах против работников советской власти⁴. Этим постановлением практически свертывались все правовые гарантии правосудия. По делам в отношении лиц, обвиняемых в совершении терактов или подготовке к их совершению, сроки следствия сокращались до 10 дней, дела в судах предписывалось рассматривать без участия прокурора и защитника, приговор не подлежал кассационному обжалованию и приводился в исполнение немедленно. Не допускалась подача ходатайств о помиловании.

Еще до выезда в Ленинград высокопоставленной делегации, которую возглавил сам И.В. Сталин, убийцу Кирова назвали политическим террористом. Что же до официального следствия и суда, то им ничего не оставалось как «доказать» правильность оцен-

ки, данной событию высшими органами партии и государства. Иных вариантов не существовало.

В материалах расследования дела четко просматривается трансформация показаний Николаева. Будучи задержанным на месте совершения преступления, на первом же допросе, проведенном в тот же вечер, на конкретно поставленный вопрос о целях преступления Николаев однозначно заявил, он – одиночка, за ним никто не стоит, а убийство совершено из стремления «...стать политическим сигналом перед партией, что на протяжении последних 8–10 лет на моем пути жизни и работы накопился багаж несправедливых отношений к живому человеку со стороны отдельных государственных лиц ... Я должен был показать всей партии, до чего довели Николаева. За зажим самокритики... Этим убийством я хотел добиться, чтобы партия обратила внимание на живого человека и на бездушно-бюрократическое отношение к нему... и делал это под влиянием психического расстройства... Весь план разработал лично я сам и сам его выполнил до конца»⁵.

Необходимо отметить, что допрашивали Николаева пять руководящих работников Ленинградского управления НКВД во главе с начальником Медведем. Они вряд ли упустили бы даже малейшую подробность, свидетельствующую о контрреволюционных мотивах преступления или наличии у Николаева связей с троцкистами, зиновьевцами либо с какой-то контрреволюционной организацией. Тем более, что в тот же вечер в Ленинград выехали Сталин, Ягода, Ежов, Косарев, большая группа оперативных и следственных работников НКВД и Прокуратуры СССР. Разве не хотелось ленинградским чекистам отрапортовать столь высокой комиссии о разоблачении «врага народа». Вместо этого они добились лишь заурядного признания в откровенной «бытовухе» в неоформленном протоколе допроса, который Николаев отказался подписывать. Словом, если в первых показаниях, полученных по «горячим следам», не зафиксировано никаких свидетельств причастности Николаева к какой-либо контрреволюционной организации, значит, ее просто не существовало. Она «появилась» потом.

Обвинительное заключение, в котором фигурировала уже организованная контрреволюционная группа террористов-заговорщиков, подписал будущий Прокурор СССР А.Я. Вышинский. Председательствовал в суде сам Василий Ульрих.

Материалы расследования дела об убийстве Кирова, суда над Николаевым и еще 13 его мнимыми соучастниками и судебный процесс над ними стали своего рода методическим пособием в разоблачении «врагов народа». Отныне по такому же сценарию будут создаваться все дела с обвинениями в террористической и контрреволюционной деятельности даже в отно-

⁴СЗ СССР 1934 г. №64. С. 459.

⁵Дело об убийстве С.М. Кирова. №Н-11144 УНКВД по Ленингр. обл. Т. 1 С. 3–8.

шении таких людей, которые не имели о них никакого представления. Ведь методика утверждена высшими руководителями НКВД, Прокуратуры СССР и Председателем Военной коллегии Верховного Суда Ульрихом, и она подлежала внедрению в повседневную практику.

Так в декабре 1934 года произошло нормативно-правовое (постановление ЦИК СССР от 1 декабря) и организационное свертывание всех процессуальных гарантий защиты прав лиц, обвиняемых по 58-й статье Уголовного кодекса РСФСР, то есть в террористической, контрреволюционной и прочей антисоветской деятельности. Теперь любой подозреваемый фактически был обречен. Достаточно организовать на него анонимный донос либо получить показания одного-двух человек – свидетелей «преступления», выбить «признание» собственной вины – и простой честный труженик сразу же становится «врагом народа». Причем, если в военных трибуналах хоть как-то создавали видимость осуществления правосудия, доставляли в зал судебного заседания, спрашивали о виновности, задавали вопросы, выносили и провозглашали приговор, то внесудебные органы – особые совещания или так называемые тройки – отправляли людей на расстрел, даже не видя их в глаза.

Можно утверждать, что сам законодатель в лице высшего органа государственной власти СССР принял противоправный по своему характеру законодательный акт, открывавший путь к произволу и обеспечивавший безнаказанность за этот произвол. Одни были поставлены в положение палачей, другим отводилась участь бесправных жертв. В результате введения чрезвычайных мер уголовного производства советская карательная практика превзошла все ужасы далекого Средневековья. Доселе хоть как-то завуалированная античеловечная суть внутренней политики правящей партийно-государственной верхушки проявилась открыто.

Такая политика была воспринята неоднозначно. Во всяком случае, поначалу отмечалось даже некоторое противодействие распространению произвола. Главный военный прокурор Орловский отреагировал на «новации» верхов своеобразной директивой с требованием к прокурорам «ни в ко-

ем случае не ограничиваться формальными справками или докладами соответствующих уполномоченных, а лично знакомиться с материалами следственных действий, допросов, присутствовать и участвовать в важнейших из них, внося необходимые коррективы в ходе расследования; надзор за делами о контрреволюционных преступлениях осуществлять с момента их возникновения»⁶.

Думается, позиция военной прокуратуры на какое-то время явилась фактором, сдерживающим разгул репрессий. В 1934–1935 годах большинство уголовных дел этой категории еще разрешались в судебном порядке, а практика внесудебных репрессий не имела столь масштабных размеров, которые она приобрела во второй половине тридцатых годов, когда особые совещания, «двойки» и «тройки» приговаривали к расстрелу либо отправляли в каторжные лагеря сотни тысяч безвинных людей.

Не из недоверия к сотрудникам НКВД исходил Главный военный прокурор, хотя многие из них давали серьезные поводы для этого. Его волновали участвовавшие в печати, на партийных съездах требования ужесточить методы классовой борьбы, повысить бдительность, активизировать преследование врагов народа. Свои опасения он доводил до сведения руководства Прокуратуры СССР. Но реакции оттуда не поступало.

Орловский заболел. Просматривается нарастающее совпадение между его заболеванием и усилением репрессивных акцентов в деятельности НКВД, против которых постоянно выступал Главный военный прокурор. Ему было рекомендовано выехать на лечение в Германию, где в апреле 1935 года он скончался.

Почти целый год военная прокуратура оставалась без руководителя. Искали достойную замену Орловскому? Не похоже. Скорее всего, присматривались к претендентам, воспитывали в будущем преемнике послушного исполнителя. Что ни говори, а дела с обвинениями по 58-й статье находились под надзором военной прокуратуры. Военные прокуроры утверждали по ним обвинительные заключения и осуществляли надзор за рассмотрением в военных трибуналах. Другим прокурорским работникам доступ в эту сферу был закрыт⁷.

РУКОВОДИТЕЛЬ СЕКРЕТАРИАТА
ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ,
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТНИК ЮСТИЦИИ 2 КЛАССА
В.А. Бобреньев

⁶ Архив ГВП. Дело №1 (приказы ГВП за 1934–1935 годы).

⁷ Окончание следует.